

Иноязычная составляющая современной русской речи

Е.Л. Григорьян
(Россия)

El artículo examina elementos extranjeros en el habla rusa que se utilizan principalmente en la televisión y en la radio. Se analizan sus funciones pragmáticas y sobre todo aquellos casos en que tales elementos se aplican para demostrar la pertenencia a una cultura ajena, o su contenido puede ser distinto del de los equivalentes rusos que podrían usarse en el mismo contexto.

Предметом нашего интереса являются иноязычные элементы (вкрапления и новые заимствования, еще не освоенные системой) в современной русской речи, на телевидении и на радио, от единичных слов до текстовых фрагментов; причем можно утверждать, что они носят системный характер, используются, как правило, осознанно и выполняют определенные прагматические функции.

Основным материалом для исследования послужила русская речь на телевидении (преимущественно на каналах «Культура» и «Спорт» – «Россия-К» и «Россия-2» соответственно) и в радиозфире («Эхо Москвы») последних пяти лет. Примеры взяты из речи людей, в полной мере владеющих русским литературным языком, причем в большинстве случаев, можно сказать, профессионально: в приводимых далее примерах это в основном или профессиональные лекторы (программы «Academia» и т.п.), или тележурналисты, в первую очередь спортивные комментаторы. Во всех случаях мы имеем дело со спонтанной речью (репортажи в прямом эфире, интервью) или близкой к спонтанной.

Материал зафиксирован нами на слух. Мы пишем латиницей, если слово или фраза произносится в соответствии с фонетикой другого языка (в той мере, в какой журналисты и другие выступающие на ТВ ею владеют), и кириллицей, если слово звучит в русском произношении. Следует, однако, отметить, что реальное произношение во многих случаях непоследовательно и представляет собой смесь того и другого.

Рассматриваемые явления отражают ситуацию, которая сложилась в современном полиэтничном и поликультурном мире и, в частности, в России: достаточно массовое владение иностранными языками (в той или иной степени): очевидно, что выступающие на телевидении или по радио рассчитывают на понимание по крайней мере части аудитории; также примечательно, что часто осознается неравнозначность русского и иноязычного слова, обозначающих одни и те же предметы или сходные понятия. Не менее важно, что иноязычное слово или выражение в русском тексте становится носителем определенных прагматических функций, некоторые из которых будут проанализированы ниже.

Причины иноязычных вкраплений в речи выступающих на ТВ могут быть различны. Это может быть следствием чисто внешних обстоятельств; так, например, многие темы человеку более привычно обсуждать на иностранном языке, чем на родном, при постоянном нахождении в иноязычной среде (проживание и/или работа за границей или с зарубежными партнерами); в этих случаях, видимо, автоматически выдается более привычное слово.

Они продают нам по *production price* (Е. Гениева, директор Библиотеки иностранной литературы – о получении литературы от зарубежных издательств); на крупных *art-fair* (обсуждение современного отечественного художественного рынка в передаче «Пресс-клуб»); *Надо правильно keep the time вместе с оркестром* (член жюри конкурса «Большой джаз»); *Мне очень понравилась ваша légèreté, толчок...* (Азарий Плисецкий, «Большой балет»); *Через несколько лет это будет твой masterpiece* (В. Деревянко, «Большой балет»); *То, что мне понравилось, это plasticità* (В. Деревянко); *Это же verismo!* (Д. Хворостовский, мастер-класс).

Характерны ситуации, когда употребленное иноязычное выражение тут же дублируется на русском языке или русское слово сопровождается иноязычным эквивалентом:

Она очень строгий коуч ... (исправляет себя) – *педагог* (Анна Нетребко в передаче «Царская ложа»); *Потому что это был большой челлендж, большой вызов ... большой риск* (Дм. Вдовин, рук. молодежной программы Большого театра); *Мы думали, он был такой человек – как rubber duck – как Ванька-встанька* (Ольга Ростропович); *Я ушла на самом tone – на самой высоте* своей карьеры (Г. Вишневецкая); *Это совершенно не picturesque, то есть совершенно не зрелищно* (И. Бродский, «Возвращение Бродского»); *повтор давней передачи*); *Онегин – это reflection, т.е. отражение наших собственных чувств* (Д. Хворостовский, мастер-класс); *Если там не doppa, не удвоенная...* (он же – о том, как надо петь итальянские гласные); *Как играем первую – introduce, как вступаем* (Даниил Крамер, «Сати»).

Иногда соответствующее русское слово подбирается не сразу, и даже, возможно, с меньшей точностью:

Писались ли соеты с желанием сделать из них sequences – какие-то группировки ... (Ирина Приходько, литературовед, «Игра в бисер»); *Вот бревна, самолеты, машины – полный микст-ап – коктейль из всего этого* (описывается снимок с последствиями цунами, «Academia»); *Физическое насилие дает 98 – я бы по-английски сказала entries – словосочетаний...* (С. Тер-Минасова о фразеологическом словаре Баранова и Добровольского, «Academia»).

В спортивных и иных репортажах, возможно, имеет значение, что репортаж ведется с места события, на фоне иноязычной среды, к тому же на международных спортивных соревнованиях все надписи и объявления (в том числе и на телеэкране) на английском языке:

У него только skating skills и индивидуальность были оценены выше 6 баллов (Чемпионат Европы по фигурному катанию 2011); *Нам надо не только в синхронности действий, но и в экзекьюшене показывать результат* (Универсиада, прыжки в воду); *Смотрите, он побил свой рекорд – сизон бест показал* (Олимпийские игры в Сочи); *Да, американские олимпик трайалз [Olympic trials - отбор на Олимпийские игры] очень жесткие* (Олимпийские игры в Лондоне); *Да, брызг много, да, сплэш, как говорят англичане и другие англоговорящие* (там же, прыжки в воду).

В лекциях проекта «Academia» и подобных передачах параллельное употребление английского термина наряду с русским может объясняться и тем, что он принят в международном научном обиходе – на конференциях, в научной литературе, в международных журналах.

Рубль – это типичная сырьевая валюта, или commodity currency («Финансовый ликбез», 3 канал Московского ТВ); Происхождение Вселенной, которое мы ассоциируем с Большим взрывом, или биг-бэнгом (М.Я. Маров, «Academia»); Это так называемые по-английски tailored materials, или материалы, сшитые на заказ (И.В. Ковальчук, физик, «Academia»); Это, так сказать, фуражиры, которые летают на центральное место – central place foragers (В.М. Карцев, энтомолог, «Academia»); Это и есть то, что в англоязычном искусствоведении называется classical revival, т.е. дословно «оживление античности» (Д.О. Швидковский, историк архитектуры, «Academia»); далее в лекции уже называет только по-русски).

Часто иноязычное название приводится тогда, когда оно расходится с русским или когда нет общепринятого термина:

Терминология не вполне установилась. По-английски есть два названия: rogue wave, что обозначает волна-бандит, и freak wave – т.е. волна-безумец... И, думаю, половина [погибших судов] на совести этой freak wave... (В.Е. Захаров, математик, «Academia»); ...разбили на контрольную группу и тех, кого по-английски называют treatment group – те, на которых поставлен эксперимент (С.М. Гуреев, экономист, «Academia»); В английском принято название big history [произносит на русский лад – «биг истории»], а по-русски название «эволюционная история».

Характерно, что у многих лекторов презентации, сопровождающие лекции этого цикла, также содержат текст на английском языке.

В передачах разного типа довольно часто приводится оригинальное название какой-либо реалии, которое в этом случае предстает как знак иной страны, культуры, эпохи:

Как только начинается Christmas time, везде-везде, где есть хоть какая-нибудь труппа, ставится «Щелкунчик» (Н. Цискаридзе; речь идет о США); У американцев вообще большой прогресс в области футбола – соккера (Английская премьер-лига); Когда приходят на банкет все эти донэйшены... (Н. Цискаридзе о спонсорах театра «Метрополитен»); Война, которая сопровождалась тем, что называется chevauchées – опустошительными набегами (Н.И. Басовская, «Все так» - о Столетней войне и Жакерии; дальше коротко рассказывается об этих набегах, «Эхо Москвы»); И стадион окрашивается в цвета Юнион Джека... (Открытие Олимпийских игр в Лондоне, ОРТ); Выиграл два последних Community Shield'a (Суперкубок Англии); [заплатили огромные деньги] чтобы построить на осушенной территории – reclaimed это называется... (передача о Гонконге, «Эхо Москвы»).

Представляется, что в таких контекстах само слово выступает как некая культурная реалия, как принадлежность определенной страны и культуры. Часто такие выражения сопровождаются словами вроде «как говорят французы (немцы

и т.п.)». Разумеется, могут присутствовать и другие причины для употребления иноязычного названия при возможности определить то же самое по-русски: так, в приведенном выше примере *soccer* – это не просто название (европейского) футбола; существенно, что в США футболом называют другую игру. Но даже в тех случаях, когда, казалось бы, не вносит никаких смыслов по сравнению с русским названием, оно обычно вносит определенную национальную или локальную и культурно-историческую окраску.

Примечательно, что в этом качестве может выступать лексика, которая не может считаться безэквивалентной в привычном смысле этого слова, однако, включенная в русский контекст, она именно в силу принадлежности другому языку – и другой лингвокультуре – приобретает коннотации, изначально ей несвойственные:

Американская традиция – чтобы все было fine (Н. Цискаридзе об американской сценической манере в балете; в частности, об американской улыбке, которой специально учат); *Для меня музыка Верди – это прежде всего – passione, patos, affetto...* (И. Дубровская, певица); *Свойственная Дали эпатажность и, я бы сказал, mistificación* (Ю. Макаров, «В главной роли»); (Беседуют А. Гаврилов – пианист и Г. Янин – артист балета): *В Рихтере все же было много немецкого, для него был важен Ordnung. – Несколько militar.* (С. Спивакова, ведущая программы) – *военизированный. Вот, я у вас выполняю роль переводчика.*

Очевидно, что в этих примерах иноязычное слово не может быть приравнено к русскому эквиваленту: *Ordnung* предстает не просто в значении ‘порядок’, а ‘порядок в немецком понимании’; *fine* также в данном случае предстает как нечто специфически американское. Если бы Цискаридзе, излагая то же самое по-английски, употребил слово *fine*, или Гаврилов и Янин, говоря по-немецки, употребили слово *Ordnung*, эти слова не несли бы никакого этнокультурного смысла и не имели бы тех коннотаций, которые они получили в русском контексте. В речи певицы обозначаемое итальянскими словами – вполне понятными и для тех, кто не владеет этим языком – получает дополнительное значение ‘специфически итальянское’ или ‘вердиевское’.

За многими употреблениями иноязычного слова или выражения (часто с русским переводом или комментарием) стоит ощущение неполного совпадения смыслов слов в разных языках. Видимо, иноязычное выражение представляется говорящему более точным или выразительным;

Я поклонник вашего голоса и поклонник вашего сценического образа – package... (Д. Вдовин, «Большая опера»); *Это такое слияние – liaison...* (Азарий Плисецкий, «Большой балет»); *...строки Оссиана, поэта, который не существовал, такой fake* (Д. Вдовин); *Когда нужно что-то стоящее выше земли – celeste...* [произносит по-итальянски] (Д. Вдовин); *Тут же стрельба в упор, масакра, как говорят поляки, кровавое побоище* (А.М. Панченко о восстании на Сенатской площади).

Многое, хотя и переводится или комментируется, фактически является лакуной, и это осознается и часто подчеркивается говорящим:

Потому что у них есть understatement, у нас – overstatement, у них – недоговоренность... (С. Тер-Минасова, «Academia»); *И это ожидание*

ответа, это такое stand by... (В.О. Подорога, философ, «Academia»); *И когда он попадает в свой Fach – ящик репертуарный...* (Д. Вдовин).

Иногда прямо указывается на отсутствие эквивалента или даже, возможно, чужеродность самого понятия для русского сознания и культуры:

На русском языке очень трудно передается английское make love (Е. Гениева о проблемах перевода Джойса на русский язык, «Academia»); *Очень многие занимаются балетом, как они сами говорят, для фана, т.е. для себя* (педагог, ведущая мастер-классы в Финляндии, «Новости культуры»); *Есть такое слово в немецком языке – Knäbel, это от Knabe – это такая «мальчишка»...* (А. Парин, о голосе, для которого создавалась партия Керубино, «О пении, об опере, о славе», «Эхо Москвы»).

Нередки комментарии к собственным номинациям иностранного языка, само название часто сопровождается буквальным переводом или раскрывается его внутренняя форма:

Он войдет в историю под прозвищем Делатель Королей – King-maker (Н.И. Басовская, «Все так»); *Иногда эту битву называют не как битву при Азенкуре, а как битву в день святого Криспина – Crispin's Day* (Там же); *И суфлер в труппе Шекспира тогда назывался не как сейчас – prompter, т.е. тот, кто подсказывает, а – book-keeper* (А.В. Бартошевич, Academia); *Мы-то называем это дужка, а итальянцы называют l'anima – «душа», и французы тоже l'âme – душа* (С. Спивакова – о части скрипки); *...а тут у нас гринбэки – дословно «зеленая спицка», бумажные доллары, у которых одна сторона была полностью зеленая; [далее в передаче:] впервые образовалась гринбэкская партия [о сторонниках бумажных денег]* (А.П. Починок, «Фискал», «Эхо Москвы»); *Тогда балет назывался иначе – «Апартамент». Это не только название жилища, это от английского слова apart* («Билет в Большой»).

Иногда приводится оригинальное выражение или название и обсуждается его возможный перевод на русский язык или же, наоборот, иноязычное выражение является уточняющим при цитировании:

[о произведении Лероя Андерсона Fiddle-Fiddle] *Сначала хотели перевести, думали, как перевести, и решили, что это так, ничто, а nothing, – шутка, пусячок* (Сати Спивакова); *И персонажи – они называются les partisans, что можно перевести и как «партизаны», но правильнее было бы перевести как «соратники»...* (Н. Цискаридзе, о балете Бежара «Жар-птица»); [у Шекспира они не называются ведьмами]... *Они называются Weird Sisters – вещице сестры* (А.В. Бартошевич, «Academia»); *Случайные – или разрозненные – random – наброски...* (Е.С. Штейнер – цитата из англоязычного автора, «Манга Хокусая», «Academia»); *... назвал higgledy-piggledy, я перевожу это как «комбикормно-винегретное»* (там же).

Само иностранное слово нередко комментируется, раскрытие его семантики служит проникновению в авторскую концепцию или иные культурно значимые смыслы:

[после цитирования (по-русски) монолога Дон Кихота о свободе] Понятие «свобода» обозначается в испанском тексте как *libertad*. Это слово во всех европейских языках обозначает права и привилегии, которые давались кому-то... Это по-испански называется *libertad*, по-английски *liberty*, по-французски *liberté*, по-итальянски *libertá*... А неволя обозначается словом *cautiverio*, это то, что по-английски называется *captivity*, т.е. плен. Когда он был во дворце гранда, это было его *cautiverio*, его пленение (А.К. Якимович, «Шекспир. Сервантес. Веласкес», «Academia»).

Разумеется, различные телеведущие, журналисты, лекторы и другие участники передач используют рассмотренные выше приемы в разной степени (некоторые имеют к ним пристрастие, другие не используют вообще). Кроме того, это зависит от темы передачи и от места, откуда ведется репортаж. На общем фоне очевидно абсолютное преобладание английского языка, который в настоящее время фактически стал универсальным языком-посредником; значительно также присутствие немецкого и французского языков. Итальянский язык представлен широко, но в основном в передачах, посвященных опере, вокалу и музыке в целом; и, разумеется, в программах, так или иначе связанных с Италией. Что касается испанского и японского языков (последний в докладе не представлен, но материала достаточно), то они присутствуют только в программах, посвященных соответствующим странам и культурам. Примеры из других языков единичны.

Стоит затронуть и другой аспект темы. В последние десятилетия многие – от публицистов и даже филологов и до обывателей – воспринимают нарастающий поток иноязычных слов и оборотов как разрушение родного языка или, по крайней мере, как падение речевой культуры (которое и в самом деле имеет место). Кроме того, употребление иностранных слов расценивается многими авторами как дань моде или снобистское желание показать свою образованность (Ланчиков, 2005), что, на наш взгляд, далеко не всегда так. Как явствует из приведенного выше материала, иноязычные элементы, помимо чисто стилистических функций, часто служат освоению новых понятий и реалий, приобщению к достоянию других народов и культур, уточнению понятий или вводят термин, новый хотя бы для части слушателей. Таким образом, важнейшей функцией иноязычных элементов следует признать просветительскую, или, точнее, пользуясь удачным выражением М.И. Чернышевой (Чернышева, 1994, с. 101), энциклопедическую.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. ЛАНЧИКОВ, В.К., 2005: Семь заблуждений относительно заимствований. *Мосты. Журнал переводчиков*, № 3 (7), сс. 36 – 43.
2. ЧЕРНЫШЕВА, М.И., 1994: К вопросу об истоках вариантности в ранних славянских переводах с греческого языка. *Вопросы языкознания*, № 2, сс. 97-107.